

Первухин М. Чехов и Суворин <продолжение воспоминаний о писателе> // Слово (Рига). 1927. 21 августа. № 599. С. 3.

Чеховъ и Суворинъ.

Въ бесѣдахъ со мною на литературныя темы Чеховъ нѣсколько разъ обращался къ вопросу о своихъ отношеніяхъ къ А. С. Суворину и къ «Новому Времени». Я чувствую, что эта тема для него — весьма деликатная, и боялся какимъ-нибудь неувѣчнымъ словомъ задѣть больное мѣсто. А тотъ тонъ, которымъ говорить Чеховъ о своей прошлой, оборванной связи съ «Новымъ Временемъ» и о продолжающейся, но уже сильно ослабѣвшей и сдѣлавшейся какою-то узловой связью съ А. С. Суворинымъ, ясно указывалъ, что тутъ есть нѣчто, продолжающее сильно тревожить Чехова и заставляющее спорадически возвращаться къ вопросу.

Весною 1901 года я вкратцѣ записалъ содержаніе одной изъ такихъ бесѣдъ. Рѣчь зашла объ ожидавшемся Чеховымъ приѣздѣ Суворина въ Крымъ гдѣ у него, въ Феодосіи, имѣлась уютная и отлично обставленная дача. Суворинъ долженъ былъ приѣхать сначала въ Ялту, погостить у Чехова, потомъ забрать его съ собою въ Феодосію. Чеховъ и былъ радъ, и въ то же время какъ будто тревожился, опасаясь неизбѣжныхъ толковъ. Всего за нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ, какой-то петербургскій критикъ изъ неудавшихся беллетристовъ, человѣкъ отмѣнно туполобый и идиотски злой, вымещавшій на проложившихъ себѣ дорогу писателяхъ собственный провалъ жестоко облаялъ Чехова, и не за что иное, какъ за то, что, въ свое время, Чеховъ былъ, дескать, однимъ изъ «столповъ» «Новаго Времени».

Выходка маленькаго злоца была явно глупою, и злоба его была слишкомъ ужъ похожа на безсильную ярость подворотной шавки, лающей на слона. Общество, любившее и чтившее Чехова, даже и не замѣтило этой выходки. А кто замѣтило, — тотъ только пожалъ плечами. Но на Чехова вообще отличавшагося повышенной чувствительностью, легко сдѣлавагося жертвою собственной мнительности, и къ тому же, прихварывающаго и боявшагося изъ-за жизни «въ сторонѣ отъ большого свѣта» потерять связь съ обществомъ, — она произвела тяжелое впечатлѣніе. Онъ старался не обнаруживать своей тревоги, но эта тревога пробивалась наружу. И, вотъ, та бесѣда, о которой я собираюсь рассказать, — она была, до известной степени, отголоскомъ этой уже изживаемой тревоги. Послѣ нея у меня осталось такое впечатлѣніе, будто Чеховъ воспользовался случаемъ, чтобы, бесѣдуя со мною, дать объясненія и чуть ли не оправдаться по какому-то обвиненію, — въ чемъ, конечно, не было на малѣйшей надобности. Зная мое особенное отношеніе къ журналистской дѣятельности, Чеховъ обращался ко мнѣ не какъ къ «газетчику», который сейчасъ же поторопится ударить во всѣ газетные колокола и развозитъ

нать о содержаніи своей бесѣды съ Чеховымъ, а просто какъ къ знакомому, человѣку, умѣющему и слушать, и принимать сказанное.

— Вопросъ разбивается на двѣ части, — говоритъ Чеховъ задумчиво и какъ будто подбирая слова, чтобы исчерпывающе формулировать свою мысль большого для него, а, можетъ быть, и для другихъ значенія. — Первое: жалѣю ли я о личной связи съ Алексѣемъ Сергѣевичемъ Суворинымъ? Второе: жалѣю ли я о томъ, что нѣсколько лѣтъ стоялъ въ тѣсной связи съ суворинскимъ издательствомъ вообще, и съ «Новымъ Временемъ» въ частности?

На первый вопросъ — объ отношеніяхъ съ самимъ Суворинымъ, — отвѣчаю, положивъ руку на сердце: нѣтъ, и трижды, и сто разъ нѣтъ! Хотя бы уже потому, что всегда считалъ, и сейчасъ продолжаю считать старика Суворина, со всеми его крупнѣйшими достоинствами и достаточно крупными недостатками, однимъ изъ самыхъ интересныхъ и волнующихъ людей, которыхъ мнѣ удалось встрѣтить за всю мою жизнь. Считалъ, и продолжаю считать, что это — большой человѣкъ. Это — не «обыватель» имя же имъ — тьма тьмъ, и тысяча тысячь, легионы безличностей, — а очень рѣзко выраженная, колоритнѣйшая и рельефнѣйшая индивидуальность.

Нѣтъ и не можетъ быть ни малѣйшихъ сомнѣній въ личной талантливости Суворина. Онъ вовсе не «счастливчикъ», вовсе не «удачникъ», которому повезло слѣпое и глупо щедрое счастье. Онъ создалъ колоссальное, по русскому масштабу и имѣющее огромное значеніе дѣло, и это вовсе не результатъ случайной удачи, а результатъ умѣло нашедшей себѣ надлежащія точки опоры творческой, созидательной энергіи.

Суворинъ по натурѣ — борець, гладиаторъ. Онъ еще въ молодости вытравилъ изъ себя ту дозу прекраснородной обломовщины, безъ которой не появляется на свѣтъ Божій ни единый истинный россиянинъ. Онъ не сломался въ жестокой борьбѣ за существованіе, какъ сламывается, увы, безконечно много русскихъ людей. И когда затѣянная имъ борьба закончилась его блестящею побѣдою, — онъ не занялся нагулаваніемъ жира и поживаніемъ на лаврахъ. Онъ сдѣлалъ блестящую карьеру въ журнализмѣ, а позже — въ издательской сферѣ. Но зная его, какъ я его знаю, — глубоко и непоколебимо убѣжденъ, что займись А. Суворинъ любымъ другимъ дѣломъ, хотя бы, напрямѣръ, желѣзнодорожнымъ строительствомъ, торговлею зерномъ, золотаяскательствомъ, устройствомъ ткацкихъ мастерскихъ, военною службою, — все равно, онъ выплылъ бы наверхъ, и вездѣ и всюду игралъ бы вѣдущую роль.

Мы, русскіе, вовсе не столь богаты

чтобы позволять себѣ роскошь не цѣнить такихъ талантливыхъ людей. Сажаясь искреннимъ образомъ убѣжденъ, что русское общество неощѣнило, недооцѣнило въ свое время Суворина, и въ этомъ отношеніи проявило непростительную узость взглядовъ и нетерпимость.

Покуда А. Суворинъ былъ однимъ изъ вѣдущихъ бойцовъ въ радикальномъ лагерѣ, покуда онъ работалъ у Корша, — онъ былъ любимцемъ этого общества и за нимъ признавались и тѣ таланты, которыхъ у него не было. Но стоило Суворину отойти отъ своего молодого радикализма, стоило ему заявить себя националистомъ и государственнымъ, — на него посыпались отовсюду громы грома. И не было такой шелудивой радикальной шавки, которая на него не брехала бы изъ подворотни или изъ-за угла хоть единый разокъ... Еще во дни русско-турецкой войны, навязанной правительству тѣмъ же обществомъ, политическіе противники Суворина приклеили ему кличку «оппорциониста». Близко зная Алексѣя Сергѣича, категорически заявляю: если онъ и былъ «оппорционистомъ», то не въ большей, а въ гораздо меньшей степени, чѣмъ его противники, ибо, что грѣха таить?! — нашъ «лѣвый» лагерь всегда былъ биткомъ набитъ людьми, лѣзшими туда по трусости, изъ боязни прослыть «отсталыми» или, что еще хуже, — «реакционерами». Во всякомъ случаѣ, у Суворина было одно огромное достоинство: смѣлость мышленія, смѣлость шевелить собственными мозгами, смѣлость не принимать слѣпо на вѣру мнѣній разныхъ «авторитетовъ», зачастую — дикахъ невѣждъ и политическихъ маниаковъ. Созданная Суворинымъ газета, со всеми своими дефектами, все же, на протяженіи десятилѣтій была наиболѣе распространенною и, если хотите, наиболѣе вліявшею на общественное мнѣніе русскою газетою. Хорошо ли это, дурно ли, — вопросъ рѣшается каждымъ съ точки зрѣнія его личныхъ взглядовъ и убѣжденій. Но конкретнымъ фактомъ является именно это: наиболѣе распространенная и наиболѣе вліятельная газета. А ее создалъ Суворинъ, начавшій дѣло почти безъ гроша въ карманѣ, опиравшійся только на свой литературный и организаторскій таланты. Подойдите къ нему съ этой точкою зрѣнія, и вы будете вынуждены признать, что Суворинымъ было сдѣлано, по своимъ временамъ, огромное дѣло.

Какъ журналистъ, Суворинъ имѣетъ полное право на титулъ одного изъ наиболѣе выдающихся пионеровъ газетнаго дѣла. Почти такимъ же пионеромъ онъ былъ и въ издательскомъ дѣлѣ. Заслуги его въ этомъ отношеніи передъ русскимъ обществомъ теперь почти совсѣмъ забыты. Но люди моего поколѣнія знаютъ, что былъ періодъ, когда «суворинскія изданія» не имѣли соперниковъ на книжномъ рынкѣ. На протяженіи десятилѣтій, только одинъ, собственно, Суворинъ издавалъ книгу любовно, только онъ велъ свое издательство на европейскій образецъ, заботясь о технической

понималъ, что для переводовъ съ иностраннаго надо имѣть не просто людей, могущихъ «перепереть» съ англійскаго на русскій, а переводчиковъ — писателей. Не забудьте: только Суворинъ могъ законтрактовать для переводовъ съ французскаго «Марка-Вовчка», — писательницу, которой онъ за переводы платилъ больше, чѣмъ другіе издатели платили за ея оригинальныя произведенія.

Вы скажете: это — простой коммерческій расчетъ!

Согласенъ! «Простой расчетъ.» Да! Но почему же такъ поступалъ одинъ только Суворинъ?!

Но есть и другое. Вотъ вамъ эпизодъ съ солиднѣйшею историческою работою генерала Шильдера, біографа Александра I. Для изданія его книги понадобились огромныя деньги. Расчитывать на то, что изданіе скоро разоидется, хотя бы на то, что оно окупится, — не было возможности. Суворинъ издалъ эту книгу, сознательно идя на убытки въ десятки тысячь рублей, — чувствительныя даже и при его богатствѣ.

Меценатство? Пусть такъ! Но почему же не нашлось другого такого мецената, хотя бы изъ богачей — аристократовъ, близкихъ ко Двору?

Вотъ что всегда подкупало меня въ Суворинѣ: самъ онъ — талантливый человѣкъ и любить талантливыхъ людей, и даетъ имъ возможность проложить себѣ широкую дорогу въ жизни.

Но, при всемъ моемъ уваженіи лично къ Суворину, я далеко не все въ немъ нахожу по моему вкусу. И съ годами давно намѣтившійся разладъ все растетъ. Такъ, я никогда не могъ примириться съ черезчуръ снисходительнымъ отношеніемъ Суворина къ разной дрянни, которую онъ припускаетъ къ газетѣ, словно бравидура этимъ. На упреки отвѣчаетъ, хихикая, что, дескать, «въ большомъ хозяйствѣ всякая дрянь пригодится.» Но развѣ «большое хозяйство» не можетъ обойтись и безъ «всякой дрянни»? Вообще, я долженъ сказать: нынѣшній Суворинъ — уже не тотъ Суворинъ, который когда-то соблазнилъ меня на сотрудничество въ «Новомъ Времени». Собственно говоря, онъ годами еще не такъ старъ, но духовно — износился, истрепался, что ли. «Новое Время», въ самомъ дѣлѣ, уже не находится въ его рукахъ. Даже «общій контроль», и тотъ слабъ. Буренинъ, Розановъ, и особенно Глинка Янчевскій — они черезчуръ своевольничаютъ. Тотъ на-диво сорганизованный «газетный оркестръ», который чудеса дѣлалъ подъ дирижерствомъ Алексѣя Сергѣевича Суворина, — уже распался. «Соллисты» дуютъ во-всю, не справляясь съ общою партитурою. Газета принялась какъ-то подозрительно вихлять, переваливаясь справа налево и обратно. Твердой руки опытнаго и увѣреннаго въ себѣ вѣрящаго въ свою звѣзду капитана — его уже нѣтъ на капитанскомъ мостикѣ. А скажете это Алексѣю Сергѣевичу, онъ машетъ рукою:

— Усталъ! Пора на покой! Надо же очистить мѣсто для молодежи!

М. Первухинъ.